

Принцесса

31 августа 1997 года до моей смерти оставалось ещё больше трёх лет. В тот воскресный вечер мы с тобой махнули целую бутылку коньяка по довольно грустному поводу. Правда, ты не принял всерьёз моих чувств, считая охватившую меня скорбь чересчур «несоразмерной событию» - так ты охарактеризовал моё состояние. Остальные слова утешения были надлежащим образом скупы: обычная для тебя, но производящая странное впечатление на незнакомцев смесь книжного языка с просторечно-бытовыми выражениями, способная заземлить любой патетический порыв, каким бы высоким он ни был. Через несколько лет общения с тобой я постепенно и сам начал изъясняться в подобной манере, не всегда для собственной пользы. Ты меняешь речевые стили, как фокусник, легко предугадывая реакцию участников разговора и выступая попеременно в ролях то профессора Хиггинса, то Элизы Дулиттл, а то и в роли их создателя. Или во взвешенной пропорции смешиваешь всё воедино, создавая сцену для нового «Пигмалиона», где действуют новые герои, прекрасно осведомлённые о тонкостях ролей, сыгранных прежде. Я так и не научился этому искусству, запоминая лишь сами формулы и пуская их в ход без учёта настроения и сословной принадлежности собеседника. Вольности, допущенные в неподходящей атмосфере, не раз подводили меня, стоив и продвижения по службе, и нескольких неудач на личном фронте, потому что борьба острословия со здравым смыслом часто заканчивалась поражением последнего. С особями женского пола это иногда приобретало комический характер, хотя и далёкий от фольклорных образцов, приписываемых поручику Ржевскому: «Мадам, не имея чести быть представленным, осмелюсь, однако же, беспокоить вас ненавязчивым вопросом: не интересуетесь ли отдаться?» Несмотря на внешнюю анекдотичность ситуаций, мне частенько было не до смеха.

В тот день я запомнил твою фразу только потому, что она меня задела, ещё не понимая, что намеренно нанесённой мне крохотной обидой ты оттянул на себя разлитую в моей душе большую печаль. И потом, разве я сам никогда не ранил окружающих резкими словами, когда нечто, имеющее для них большую ценность, казалось мне не заслуживающим внимания пустяком? Разница в том, что твои действия обычно более обдуманно. В конце концов, несмотря на маловажность события, ты ведь согласился выпить вместе со мной за упокой, хотя и говорил, что спешишь. Помнишь, как это было? Я вытащил из дальнего угла шкафа едва начатую чуть запылённую бутылку метаксы, и ты, сразу приняв на себя обязанности виночерпия, наполнил золотисто-коричневой жидкостью два гранёных стакана почти до краёв. Эти пятидесятиграммовые стаканы мне посчастливилось купить в ближайшем переулке буквально за гроши, то есть чуть ли не по доллару за штуку. Новые обладатели, едва успев въехать в купленный накануне дом, сбывали на специально устроенной «гаражной распродаже» старый хлам, по какой-то причине оставшийся в сарае от прежних владельцев - то ли сербов, то ли македонцев. На корешках нескольких книг, беспорядочно и одиноко лежащих на импровизированном лотке, в силу полного отсутствия покупательского интереса задвинутом в самую глубину, был виден кирилловский шрифт, не похожий, однако, на русский или болгарский. Хотя для окончательной национальной идентификации мне так и не достало знаний, я быстро понял, что ошибся. Всё же на какую-то секунду, пока я радовался, что нашёл книги на родном языке, моё тело слегка качнулось в направлении лотка. Я тут же поплатился за легкомысленность, будучи взят в осаду новым хозяином дома, низеньким, толстеньким и громогласным итальянцем с буйной порослью чёрных волос, топорщившихся из выреза рубашки на груди. Моментально почуввав выгоду, он подхватил

меня под руку и стал навязывать покупку – пять, три, два доллара за книгу, потом всего лишь пятьдесят центов за экземпляр, а под конец готов был за два доллара распротиться со всем лотом. Я терпеливо ответил, что без знания языка не смогу извлечь пользы из нашей сделки, поскольку читаю только по-русски и по-английски, чем вызвал новую волну напрасного красноречия, причём итальянец утверждал, что книги самые что ни на есть русские, вода толстым пальцем по обложкам в доказательство правоты. Пришлось входить в дальнейшие детали. Мой брат, некоторое время служивший преподавателем университета, не уставал повторять, насколько ему мила просветительская деятельность – собственно, потому, что это прекрасная возможность давать понять своим ближним, какие они непроходимые тупицы и идиоты. Должен признаться, что я тоже получил удовольствие, объясняя разницу между славянскими языками и видя промелькнувшее в оливковых глазах моего коммерсанта замешательство. Но не надолго. В следующую секунду он уже предлагал мне зарядное устройство для фотоаппарата, ручную дрель без патрона, цветочные горшки - и при этом не забывал цепко держать меня за локоть. Во мне начало закипать раздражение, но за миг до того, как я неучтиво вырвал свой рукав из захвата, он указал мне на горку посуды. Среди скучных изделий местных и китайских производителей красовались они – пять замечательных гранёных стаканов как раз той разновидности, что во время моего детства была популярна среди торговцев семечками. Уже имея опыт общения с новым соседом, я лениво подошёл к горке и начал перебирать всякую всячину, пока не услышал нужное предложение. Дальше всё проходило по знакомой схеме: двадцать, десять, восемь и, наконец, пять долларов, которые я ему и вручил, со скрытым торжеством унося с собой трубу из вставленных один в другой гранёных шедевров, у одного из которых, правда, был слегка надбит край, так что его нельзя было на сто процентов считать кондиционным товаром. Выдували такие замечательные стаканы в Сербии с Македонией, или же их происхождение было всё-таки советским, неизвестно, но тебе очень нравился звук, который они производили в процессе чокания – глухой, тяжёлый, как при столкновении булыжников. Ты называл этот звук пролетарским. Да и размер у них был подходящий.

Мы с тобой приготовились сделать первый глоток, когда раздался стук в дверь. Из-за характерного ритма я не сомневался, что за посетитель стоит у меня на пороге, и как в воду глядел. Впрочем, кто ещё мог стоять за дверью в этот час? Нюта взяла твой не остывший след с ходу, не хуже заправской гончей, несмотря на то, что ты нарочно припарковал машину не на въездной дорожке дома, а подальше от входа, напротив парка. Учитывая то, что со времени твоего прихода прошло не больше пятнадцати минут, а Нюта прибыла в полной боевой раскраске, и даже не запыхавшись, она показала поистине неженский результат по оперативности сборов – хотя раскраска, конечно, могла остаться у неё от предыдущего выхода. От тебя я часто слышал, что Нюта по праву заслуживала титул главного несчастья в жизни мужчины, которого угораздило стать объектом её влюблённости. Впрочем, твоя мучительная привязанность к этой, как ты, смеясь, не раз говорил, адской помеси Мальвины и Татьяны Лариной доказывала, что ты и сам намертво увяз в трясине безрадостной любви.

--Привет, - сказала Нюта.

Я молча кивнул, делая приглашающий жест в сторону гостиной, а ты, не спеша, наполнил ещё один стакан и протянул гостю. Та в ответ проделала целую серию противоречивых движений: сначала отрицательно помахала рукой, затем взяла стакан и подержала на уровне груди, затем решительно протянула его навстречу - всё это тоже молча.

--Не чокаясь, - сказал ты и тут же выдул свои пятьдесят граммов.

Если бы мой сослуживец Дени Батист присутствовал при этом кошунстве, то пришёл бы в ужас – как же, хорошее спиртное следует смаковать. И уж ни в коем случае не закусывать лимоном. Но у русских варваров свои привычки. Ни я, ни Нюта не заставили себя ждать, и ты снова наполнил стаканы.

--Вот уж не думала, - заявила Нюта, - что вы такие чувствительные.

--Почему? – не понял я.

--Ну вот тебе-то что от жизни или смерти какой-то дуры? Нет, я понимаю – австралы относятся к этому по-другому, у них всенародный траур домохозяек. Я сейчас из магазина, - продолжила Нюта, подтверждая мою догадку относительно макияжа, - так кое-кто из посетительниц ходит с постными рожками, некоторые даже промокают глаза бумажными салфетками, за неимением носовых платков.

Я никогда не разделял таких вот попыток унижения чужаков, от кого бы они ни исходили, тем более что мне самому частенько приходилось быть воспитываемой стороной - особенно вначале, покуда я ещё питал иллюзии о способностях австралийцев к признанию чужеродных традиций. Это уж потом, когда тщетность установить какое бы то ни было подобие взаимности стала очевидной, я научился огрызаться, и меня перестали школить некоторые из коллег. А раньше подобные эпизоды нередко возникали по самым ничтожным поводам, а то и без повода, чисто вследствие глупости моих «наставников». Вроде того случая, когда сослуживица сделала мне замечание во время обеда, что я неправильно держу столовые приборы – якобы, накладывая на вилку пищу с помощью ножа, её нужно держать горбиком вверх, а зубцами вниз. Это было до того нелепо, что я не сразу понял, в чём заключалась моя оплошность, а уразумев, не удержался от вопроса, почему так, а не иначе, ведь это неудобно. «Зато, – с выражением бесконечного терпения на лице ответствовала она, - люди не подумают, что вы плохо воспитаны!» Теперешнее замечание о носовых платках, вне всякого сомнения, относились к той же сфере. Для здравомыслящего человека, каким Нюта, без сомнения, являлась, гигиенические преимущества салфеток должны были быть очевидны, но в качестве как бы представителя более высокой культуры она не могла отказать себе в удовольствии продемонстрировать презрение к туземцам. На секунду я за них обиделся, правда, мой собственный сложившийся за несколько лет условный стереотип среднего австралийца тоже не отличался рафинированностью манер. Я не стал спорить с Нютой и загадывать ей тут же пришедшую на ум загадку о вещах, которые «бедный наземь кидает, а богатый с собой собирает», потому что не уловил главного.

--Ты о чём?

--Да как же! – с готовностью пояснила Нюта, - И по радио в машине, и по телику дома - только и разговоров, что их любимая принцесса Диана сегодня погибла в авткатастрофе.

--А мы и не знали, - ответил я Нюте.

--Ну да? – не поверила она, подозрительно глянув на меня прищуренными глазами, - А почему тогда за упокой?

--Потому что у Сашки сегодня кот околел, - сказал ты таким тоном, в котором для Нюты содержалось указание закрыть рот на замок.

--Это который? Рыжий, облезлый такой? Так это же не твой кот? А, ну раз кот, тогда ладно, а то я уже невеста что подумала.

Будучи соседкой, Нюта, конечно же, считала необходимым быть в курсе, какие ко мне приходят коты и женщины. Теперь следовало ждать традиционной увертюры ваших свиданий, то есть более или менее агрессивных препирательств, и они не замедлили начаться. А я молча вспомнил о том, как он в первый раз пришёл ко мне. Тогда вы с Нютой ещё не были знакомы, хотя вас отделяло от встречи всего лишь несколько часов. Кстати, это для тебя я купил свежей камбалы, потому, что ты обещал прийти ко мне на ужин. Сначала-то я собирался поджарить свиные рёбрышки на решётке, но когда ходил за газетой, случайно заметил камбалу в витрине рыбного магазина и, зная, что ты её любишь, не смог пройти мимо. И Нюту я в тот вечер тоже пригласил специально для тебя, потому что мне казалось, что ты одинок и скучаешь, а она не раз намекала мне, что готова к новому чувству, поскольку её отношения с австралийским мужем зашли в неразрешимый тупик. В то время мне казалось, что я совершаю правильный поступок, но потом усомнился, стоило ли это делать. Не потому, что я вдруг стал моралистом – просто мне начало казаться, что ваша связь не сделала ни одного из вас счастливее.

Мне не повезло: рыбу только что привезли в магазин, и пришлось брать её, как есть, – в чешуе и не выпотрошенной, иначе пришлось бы слишком долго ждать, а я спешил по делам. Этой случайности я и Плюшевый Тигар как раз и были обязаны нашему знакомству. Если ты помнишь, месяца за два до того ко мне въехала Наташа. Кстати, я должен отдать должное твоему знанию людей: небрежные и почти случайные фразы о моих подругах всегда отличались безукоризненной верностью долгосрочных прогнозов. Наташа не была исключением, и постепенно я был вынужден с этим согласиться, но твоё снисходительное замечание о первом впечатлении встретил с чувством недоверчивого негодования. Прежде всего, дело было, конечно, в моей влюблённости, но не только. По сути, сказанное сводилось к тому, что роль невесты и, тем более, жены ей мало подходит, хотя ты не возражал бы иметь её в качестве любовницы - и это пришлось мне не по вкусу. Я достаточно резко ответил, что прежде чем примерять Наташу к разным ролям, нужно ещё заслужить её расположение, и посоветовал тебе заткнуться, раз уж ты не можешь сказать ничего хорошего. Ты так и сделал, молча пожав плечами и на самом деле не проронив больше ни слова. Наверное, несмотря на свой не слишком юный возраст, я всё ещё не повзрослел, только этим я могу объяснить, что твои слова показались мне дикостью: я-то ведь считал, что раз у нас с Наташей сложились прекрасные отношения, то её переезд ко мне ничего уже не может отнять или прибавить. Нечего и говорить, ты оказался более чем прав, и эта твоя правота отравила мне несколько несбывшихся надежд уже после Наташи, как раз потому, что, заразившись твоим методом, я взял за привычку препарировать избранниц в разных аспектах. Обнаружилось странное явление: никто из них не реализовывался как универсально приемлемая партия, у каждой находился серьёзный изъян. Настя оказалась страшной грязнулей, то есть продемонстрировала именно хозяйственную некомпетентность невероятного масштаба. Пришедшая ей на смену Оксана обнаружила такую, на уровне рептилии, душевную чёрствость, что я вспоминал о прошлом с Настей и Наташей, как о каком-то Золотом Веке. Если помнишь, в первые год-два после развода я, с каким-то лихорадочным отчаянием тяготясь своим одиночеством, искал из него выход. Этим, в частности, объяснялась моя неразборчивость. Уход жены вдруг обернулся поражением в статусе. Я неожиданно ощутил себя никому не нужным, а

ведь пока я состоял в браке, целых две женщины, очень разные, но одинаково прекрасные, активно пытались увести меня из семьи. Скорее всего, что и это тоже было иллюзией. Наверное, при ближайшем рассмотрении каждая из них тоже оказались бы с дефектом, но я всего лишь имею в виду тот факт, что напор мистически ослаб, как только выяснилось, что мой развод произошёл по инициативе жены, - она как бы заставила их усомниться в правильности выбора. Одна из претенденток почти сразу же выскочила замуж за многолетнего поклонника, которого раньше признавала лишь в качестве «запасного аэродрома». Вторая начала практиковать в обращении со мной демонстративное отчуждение, и лишь позже я догадался о мотивах. Пока я не был свободен, ей удавалось контролировать свои претензии, но то, что я не примчался к ней с предложением руки и сердца на второй день после развода, ощущалось как оскорбление, правда, она вряд ли захотела бы в этом признаться. Несколько позднее, с ехидной иронией наблюдая за развитием твоего романа с Нютой, я мстительно поинтересовался, насколько она подходит на роль любовницы и жены, а ты с обескураживающе весёлой улыбкой ответил, что ни на сколько. Мне и в самом деле было непонятно, отчего ты с ней, если ни одна ваша встреча не проходила без ссоры. Поймав мой недоумённый взгляд, ты удостоил меня кратким объяснением в своём обычном стиле, небрежно обронив несколько лаконичных фраз: во-первых, Нюта не предаст, если что, а во-вторых, и в самых главных, с ней не соскучишься. Что означало «не предаст», я не стал выяснять, но, судя по тому, как долго вы оставались вместе, вам и в самом деле не было скучно.

Мне пришлось забраться со своей камбалой в угол заднего двора, не рискнув случайно оставить засохшие чешуйки где-нибудь на тщательно отполированной специальным составом нержавеющей поверхности холодильника, потому что Наташа, в противоположность Насте, выступала маниакальной приверженицей абсолютного порядка. Увлечённо орудуя ножом, я как-то не сразу уловил, что произошло, скорее всего, просто отметил небольшое движение на дальней периферии бокового зрения. Но когда поднял глаза, кот уже сидел напротив меня, наполовину скрытый полусухими стеблями разросшихся сорняков – карающая длань Наташи ещё не успела проникнуть в этот заповедный уголок сада. Минуты две мы смотрели друг на друга. Он не убежал, но и не пытался сделать никакого движения вперёд. На вид это был крупный экземпляр средних лет, вряд ли домашний - что-то в его облике выдавало бродягу. У него была необычная окраска, из-за которой ты сразу придумал для него смешное прозвище – Тигар. Ещё одной особенностью был хвост - более длинный, чем обычно, и сломанный на конце. Возможно, что-то случилось когда-нибудь давно, в его бытность домашним котом, например, хвост мог быть сломан входной дверью, хлопнувшей под напором ветра. Так мы продолжали какое-то время – я потрошил рыбу, а он без малейшего движения сидел, опираясь на мощные передние лапы. Не знаю, что движет нашими симпатиями и антипатиями, и как можно прочесть язык жестов в неподвижном животном – но через четверть часа, когда работа была закончена, я знал, что помимо голода, который, вероятно, заставил его прийти на запах, он уже испытывал ко мне некоторое доверие. Мы были точь в точь, как два незнакомца из мира людей, которые, не имея опыта общения, заранее готовы предоставить друг другу кредит – только потому, что загадочный внутренний голос говорит, что между ними пролегла какая-то невидимая нить. Поначалу я собирался отдать ему одни потроха, но в конце концов отхватил ножом и добавил к ним ещё и изрядные куски от хвостов. В общем-то, несмотря на сухость тела, кота нельзя было назвать истощённым. Скорее всего, он был вполне способен самостоятельно добывать себе пропитание, ему, видимо, просто хотелось разнообразить свой рацион. Он выглядел худым, но не болезненной худобой, а той, что идёт от здорового образа жизни без излишеств. К тому же это был представитель короткошёрстной породы, и оттого весь рельеф мускулистого тела выпирал наружу, как на фотографии из журнала

для культуристов. Когда много позже я в первый раз решился его погладить – мне не хотелось испугать Тигара преждевременной фамильярностью – меня удивила плюшевая мягкость его шерсти, потому что на вид она представлялась жёсткой остью, почти без подшёрстка. Кстати говоря, он не стал убегать от поглаживаний, правда, первое время слегка выгибался, отодвигаясь, когда моя ласка становилась чересчур настойчивой. С той поры он часто приходил ко мне. Наташа моментально возненавидела его в качестве переносчика глистов и инфекционных болезней. Кажется, кот платил ей той же монетой, во всяком случае, он ни разу не подошёл к ней, даже когда Наташа, под влиянием минутной слабости, решала поменять гнев на милость и угостить его какими-нибудь объедками со стола. Настю же он подпускал довольно близко, хотя и не позволял себя гладить. Во всяком случае, он не заискивал ни перед той, ни перед другой и пережил в моём доме их обеих. Из всех появлявшихся у меня людей он только к тебе испытывал доверие, в чём я вижу если не мудрость, то проявление шестого чувства. Он знал, что твоё отношение ко мне свободно от корысти, и что между нами тоже существует невидимая связь – иначе чем объяснить, что из всех людей, которых мне приходилось когда-либо знать, я только тебя вижу из того места, где нахожусь теперь. Иногда я задумывался о том, откуда Тигар появился у меня во дворе. Скорее всего, он жил у каких-нибудь стареньких бабушки или дедушки в нашей округе, а после их смерти остался на улице. Не знаю, были ли у него впоследствии какие-то отношения с другими людьми, кроме меня. Мне кажется, что нет, потому что постепенно он как-то всё больше прибавался к моему дому, хотя ни разу, несмотря на неоднократные приглашения, так и не вошёл внутрь. Но его часто можно было видеть бродящим вокруг или сидящим на развилке ствола старой казуарины напротив окна моей спальни. Видимо, поэтому кто-то из соседей, найдя окоченевший труп кота в своём саду или перед входной дверью, положил его на мой мусорный бак в день смерти принцессы Дианы, когда ты, заехав лишь на минутку и не желая встречаться с Нютой, всё-таки остался у меня, чтобы справить по нему тризну.

Ты, может быть, хочешь знать, есть ли у меня здесь этот кот? Встретились ли мы с ним, вернее, воссоединился ли я с ним – ведь он умер раньше. Так вот. Здесь нет кота. Здесь вообще ничего нет. Иногда, очень редко, я вижу тебя. Не то что туманно, но только узкой полоской. Как через смотровую щель водителя танка. Помнишь, когда-то мы залезали в музейный танк? Вот в точности так. Как из танка.

Мне бы хотелось, чтобы здесь кто-нибудь был. Пусть даже наполовину состоящий из недостатков, как Наташа, Настя или кто-нибудь ещё. Или хотя бы, как Оксана, хотя я не поменял своего мнения, и по-прежнему считаю её редкой дрянью. А лучше всего, если бы здесь был кто-то нескучный для меня, такой, как для тебя была твоя Аня, пускай бы мы даже ругались с утра до ночи. Кажется, я даже мёртвой принцессе был бы рад на крайний случай, но её здесь тоже нет.

Как ты там, на свету? Любишь ли ты ещё камбалу? Любишь ли ты ещё свою Нюту?